

Противоречия в правящем классе

Господствующим классом СССР была бюрократия. Впрочем, если вам претит классовый подход, ее можно назвать властной элитой, а точнее – кастой²⁰³. Бюрократия по своей природе обладает рядом имманентно присущих ей черт: неповоротливостью, накоплением некомпетентности, косностью, информационной закрытостью, стремление к постоянному количественному росту своих рядов²⁰⁴. В СССР, где бюрократия стала монопольным правящим классом, ее черты проявились в полную силу. Это стало волновать и самих лидеров бюрократического класса, которые несли ответственность за его будущее и будущее всей страны.

Брежнев говорил на Политбюро в сентябре 1981 г.: «Ведь вы помните, что XXVI съезд партии указал на необходимость улучшать работу аппарата управления, сокращать расходы на его содержание, решительно устранять излишние и дублирующие звенья. Что же у нас происходит на деле?»

В десятой пятилетке имел место неоправданный, по существу неуправляемый, рост численности работников аппарата управления. В результате аппарат вырос на два миллиона двести тысяч человек, или на 14,2 процента. В то же время общая численность работающих увеличилась только на 9,8 процента.

Таким образом, темпы прироста численности управленческого персонала почти в полтора раза превысили темпы прироста общего числа рабочих и служащих. В результате удельный вес этого персонала вырос с 14,5 процента в 1975 году до 15 процентов в 1980 году и достиг 17 миллионов человек.

Если такая тенденция сохранится, численность работников аппарата управления к 1985 году достигнет девятнадцати с лишним миллионов человек, то есть увеличится на два с половиной миллиона человек. Тогда как прирост общей численности рабочих и служащих, по расчетам Госплана СССР, составит 5,7 миллиона человек.

За годы десятой пятилетки расходы на содержание аппарата управления увеличились на 30 процентов и составили в 1980 году более 32 миллиардов рублей, или 7 процентов национального дохода.

Совет Министров СССР принял решение по ограничению роста и сокращению численности работников аппарата управления в некоторых отраслях народного хозяйства. Однако эти меры не направлены непосредственно на сокращение центрального аппарата министерств и ведомств СССР и союзных республик.

В результате этого за истекшие годы общая численность центрального аппарата министерств и ведомств СССР увеличилась на пять тысяч двести человек, а расходы

²⁰² Там же, Оп.76, Д.213., Л.189.

²⁰³ См. Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории.

²⁰⁴ Подробнее см. Шубин А.В. Гармония истории. М., 1992. С.126–136.

государства на его содержание только за последнее пятилетие увеличились более чем на 24 процента и составили в 1980 году более 330 миллионов рублей. Увеличение численности аппарата министерств и ведомств СССР сопровождается, как правило, ростом начальствующего состава. Так, например, из общего прироста численности центрального аппарата министерств и ведомств СССР одна треть приходится на начальников управлений и самостоятельных отделов и их

заместителей»²⁰⁵.

Центральная олигархия партии–государства пыталась сдерживать рост численности класса, который возглавляла. Но ее лидеры не знали, как решить эту задачу. Ведь в «фросте рядов» были заинтересованы сами исполнители высочайших решений. Каждый начальник был заинтересован в росте числа своих подчиненных. А в условиях резкого снижения вертикальной мобильности при Брежневе аппарат мог расти только вширь. Поскольку все стоявшие перед обществом проблемы так или иначе должны были разрешаться через бюрократию, то усложнение общества также создавало объективную необходимость в росте численности чиновников.

При Брежневе обновление кадров протекало крайне медленно. Ориентация бюрократии на покой и равновесие, полностью соответствовавшая политике осторожного Брежнева, привела к тому, что обновление кадров происходило лишь по мере дряхления и умирания вышестоящих чиновников. Такое положение подрывало основной принцип бюрократической иерархии — принцип карьеры, который гарантировал бюрократу со временем продвижение по службе. «Застой» вертикальной мобильности парализовывал и другие механизмы бюрократического общества. Без карьерного стимула чиновники и директора не только теряли желание развивать порученное им дело, но и все больше раздражались отсутствием перемен. **Накопление недовольства против стариков, занимавших вышестоящие посты и не дававших дорогу следующей генерации номенклатуры, становилось мощной бомбой, заложенной под режим брежневского равновесия.**

Противоречия в правящей элите имели и важную социально–экономическую подкладку — порядок доступа к собственности и власти. Стремление директората и нижних этажей бюрократии к независимости от вышестоящих инстанций было обратной стороной стремления чиновников преодолеть личное отчуждение от собственности. Народное хозяйство страны находилось в коллективном распоряжении правящего класса, но не принадлежало никому конкретно, не давало возможности «полноправно» пользоваться плодами «своей» части хозяйства. Получение номенклатурных привилегий и благ регламентировалось множеством иерархических правил, и значительная часть чиновников считала, что получает свою долю не в соответствии с собственными талантами. Официально на содержание органов власти и управления в первой половине 80–х гг. уходила относительно скромная сумма в 3 миллиарда рублей, то есть менее процента расходов бюджета²⁰⁶. Перспектива карьеры еще давала надежду дождаться своего времени, когда доля привилегий будет значительно выше средней. Но карьерная стагнация брежневского времени подрывала эти надежды и заставляла задуматься о возможности приобщиться к плодам «своего» участка экономики уже сейчас, использовать монопольную власть в личных целях. «Помимо вульгарной взятки, подношений и подарков существовали и более «тонкие» — взаимная поддержка и мелкие личные услуги различного свойства, совместные пьянки под видом охоты или рыбалки»²⁰⁷, — со знанием дела пишет М. Горбачев. Кадровая

²⁰⁵ Брежнев Л.И. С.186.

²⁰⁶ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С.16.

²⁰⁷ Горбачев М. Жизнь и реформы. Т.1. М., 1996. С.186.

стагнация способствовала сращиванию бюрократии с определенными участками экономики, которые тот или иной чиновник контролировал в течении многих лет. Такое положение способствовало развитию коррупции.

Но в то же время отсутствие легальной частной собственности ограничивали возможности вложения украденных средств (синдром миллионера Корейко), что ограничивало масштабы коррупции – во всяком случае в сравнении с нынешними. Подаренные халаты, тысячи рублей, золотые украшения. Сейчас, когда украденные средства можно вложить в украденные же предприятия, эти масштабы советской коррупции вызывают разве что грустную улыбку.

Возможности, открывавшиеся перед взяточниками, еще не доказывают распространенной версии о том, что взяточниками были чуть ли не все без исключения чиновники. В системе принятия решений были люди, по-разному относившиеся к мзде, и вокруг них складывались кланы, в которых подношения также были приняты в большей или меньшей (вплоть до нуля) степени. Психологический слой элиты, тяготевший к нулю, можно условно называть «пуританами». Поддерживая идею «очищения» социализма от наслоений коррупции и «мещанской мелкобуржуазности», «пуритане» категорически отрицали отход от каких бы то ни было официально провозглашенных принципов системы. Другой круг чиновников, которых условно можно назвать «консерваторами», действовал по принципу «живешь сам — давай жить другим». Поскольку «консерваторы» могли проводить такую политику в существующих условиях, то они и противодействовали переменам как могли. Третий психологический слой элиты — «реформисты» — был готов пересматривать «принципы социализма». Он смыкался с «консерваторами» в своем прагматизме, а с «пуританами» — в стремлении к частичным переменам. За каждым из этих слоев стояли особые социальные интересы. «Пуритане» стремились сохранить за бюрократией ее коллективную собственность — государственное хозяйство. «Консерваторы» снимали «рентные платежи» со своих участков этой собственности, реализуя стремление номенклатуры к слиянию с собственностью. «Реформисты» наиболее полно выражали стремление правящей элиты к преодолению отчуждения от собственности, но в силу сложившихся условий и опасности реформирования системы вынуждены были камуфлировать свои, путь еще смутные, планы под осторожный реформизм «пуритан» и прагматическую лояльность «консерваторов». Это усложняло и запутывало социальную расстановку в правящем слое, приводило к замысловатому переплетению интересов и группировок, которое к тому же накладывалось на противоречия чиновников, ориентированных на отраслевые («ведомственность») и территориальные («местничество») интересы.

Широкие возможности партийного аппарата и директорского корпуса, получившего некоторую автономию после реформы 1965 г., вступали в противоречие с полномочиями ведомств. Доминирование отраслевых структур вызывало недовольство у тех слоев элиты, которая была организована по территориальному принципу, то есть у среднего партийного звена включая руководство значительной части обкомов. Все эти экономические противоречия лежали в основе формирования социально-политических коалиций — «ведомственной» и «местнической». К поддержке последней постепенно стали склоняться все более широкие слои директората, недовольного «диктатом» министерств при распределении ресурсов. Впервые с середины 60-х гг. противоречия директоров крупных предприятий со своими министерствами накапливались быстрее, чем с областным руководством.

Начиная с конца 70-х гг. в правящей элите стали усиливаться «местнические» тенденции. Региональные элиты и их лоббисты в центральных органах все в большей степени заручались поддержкой не только аграрной элиты, традиционно служившей преобладающим кадровым источником для областных руководителей, но и директорского корпуса промышленных предприятий.

Эти противоречия уже открыто проявлялись на областных и республиканских

партийных конференциях, которые давно не были чисто парадными мероприятиями. Хозяйственные и партийные руководители критиковали здесь хозяйственные органы за слишком большие планы и слишком скупое выделение ресурсов, за отсутствие средств на социальную инфраструктуру (что вызывало проблемы с привлечением рабочей силы), за «канцелярско–бюрократический стиль работы»²⁰⁸.

Коллегиальные органы играли важную роль как место встречи заинтересованных сторон. Кулуары пленумов и сессий играли в СССР не меньшую роль, чем парламентские и партийные кулуары в других странах мира. Общение начиналось уже в преддверии заседания. «Провинциальная элита уже вся здесь. И все как обычно: целовались в засос, громко, через ряды приветствовали друг друга, делились «новостями»: о снеге, о видах на урожай, словом, шел партийный толк между своими, чувствующими себя хозяевами жизни»²⁰⁹ – вспоминает об одном из пленумов ЦК А. Черняев. Здесь «хозяева жизни» могли предварительно согласовать решения, представляющий «взаимный интерес».

Центрами окончательного согласования интересов ведомств и функциональных ниш были высшие органы партийной и государственной власти — Политбюро и Секретариат Центрального комитета, Верховный совет, Совет министров и их «подразделения». Реальные решения «готовили» нижестоящие чиновники, согласовывали их с заинтересованными слоями бюрократии. Часто эти решения инициировали снизу — с уровня предприятий, местных партийных комитетов и советов. В центре считалось важным подкрепить проект «записками» региональных и отраслевых организаций в поддержку решения. Даже если поток таких «записок» инициировался снизу, он отражал мнение соответствующего слоя правящей элиты.

Таким образом, хотя советское государство и сохраняло авторитарный характер, в нем выработался механизм обратной связи, который делал систему внутренне устойчивой.